

«ТРОИЦЫН ДЕНЬ»

Терпкий запах цветущей черёмухи, утренняя прохлада майского дня и соловьиные трели действовали возбуждающе. Юрий Петрович особенно любил совершать прогулки по Запсковью по утрам в это время года. Вставало ли солнце, или небо покрывала сизая сплошная пелена туч и накрапывал дождь -- всё это его не трогало. Главное заключалось в том, что месяц май Фролов любил самозабвенно за дымчатую зелень начинающих оживать тополей и берёз, за прозрачность и ажурность их ветвей, за сквозные дали, и с годами эта любовь только крепла.

«Какой простор, -- думал он, остановившись на мосту через Пскову -- пройдёт неделя и, чтобы увидеть Гремячку и Косьмодемьянский храм на горе, надо будет сойти с моста и идти за «Гельтову баню» ещё метров пятьсот». Кто -- то же должен отвечать за беспорядочно растущие деревья, заслоняющие вид на древние храмы, живописные руины крепостных стен и отреставрированных башен.

Сегодня он, выйдя из дому, целенаправленно держал курс по направлению Застенной улицы. Это был кратчайший путь до Мишарина погоста. Необходимо срочно сделать несколько набросков с храма, пока работающие реставраторы не успели изменить внешний его вид. Дело в том, что это древний храм и, с близкого расстояния рассматривая его, Юрий Петрович находил черты, характеризующие его как храм эпохи расцвета псковского зодчества. Но ввиду удалённости этого объекта от городского центра, в задачу работников не входило проводить его реставрацию в полном соответствии с разработанной документацией. Да и настоятель поторапливал.

Фролов с улицы Л. Поземского свернул на Застенную. Справа за крепостной стеной остались позади купол и звонница старинной церкви Варлаама Хутынского. Слева за старыми деревьями открылся охристый деревянный двухэтажный дом. Здесь жили цыгане, и ничто не стесняло их свободного существования. Обращала на себя внимание суета множества людей, детей и взрослых и несколько легковых машин, стоящих во дворе. С утра и до самого вечера здесь почти каждый день люди жили шумно и с особым настроением, как будто бы не существовали для них будни.

Справа руины старой крепостной стены отделяли историческую часть города от широко раскинувшихся городских кварталов, где в ближнем из них жил с семьёй герой нашего повествования. Такого

обилия белого цветения не припомнит Фролов, а что черёмуховое дерево в изобилии произрастает на Псковщине он убедился, когда выезжал за город два дня тому назад. Одновременно с черёмухой цвела и вишня, но если ближе приглядеться, у неё более крупный цвет и не кустистый. А вот уже и голубая сирень на подходе. Её набухшие гроздья он замечал всюду, присматриваясь к зарослям. Вдыхая аромат цветения, Фролов медленно шёл по Застенной. Недавно студенты университета с ножовками очистили от диких деревьев руины стены напротив церкви Варлаама Хутынского. Открылся прекрасный вид на храм и часть стены. Казалось -- пойдут дальше, но вот уже больше года прошло, а студенты не приходят делать такую нужную работу, а корни диких деревьев продолжают разрушать остатки когда – то крепких крепостных сооружений. Стена продолжает разрушаться сама по себе. Из её основания напротив 14-го училища на пешеходную дорожку выкатываются громоздкие валуны, четыреста или пятьсот лет назад свободолюбивыми псковичами вмонтированные с внешней стороны. Стена, опоясывающая город, была неприступной на всём протяжении её почти девятикилометровой длины. Фролов всегда замедлял ход, вступая под сень дикорастущих деревьев у руин еле различимых крепостных башен. Он долго стоял у каждой из них, вглядываясь в кладку полусохранившихся арочных амбразур, зияющих ныне чёрными проёмами – глазницами. А ведь в основании каждой башни ещё имелись амбразуры подошвенного боя, ныне засыпанные известняковой щебёнкой. Он представлял себе, как много столетий назад каждая из этих башен имела службу, днём и ночью ведущую наблюдение за полем. Широкий и глубокий ров, опоясывающий крепость с напольной стороны не позволял любопытным людям, а тем более супостату, близко подходить к стене. Остановившись возле очередного валуна, выкатившегося из основания, Фролов сообразил, что за ручьём рачительные строители личных коттеджей напротив имеют в основании их фундаментов, по крайней мере, четыре валуна -- по одному на угол. Иначе тогда куда же девались валуны один к одному сплошной цепочкой пару лет назад украшавшие своей монументальностью остатки крепостных стен на этом участке? И вот теперь только голубые цветочки незабудки распустились на всём протяжении некогда грозных оборонительных сооружений. Плачевно. Ну а что же ещё скажешь.

Проходя этот участок Застенья, Фролов никогда не позволял себе думать о чём – то другом. Ему всегда нравилось находиться во власти тех далёких времён, сопереживать, представлять, рисовать в воображении всевозможные сцены. На уроках композиции в изокружке он рассказывал детям о героическом прошлом города, читал легенды и

преданья старины глубокой, собранные заслуженным работником культуры псковичом Ларионовым. Рассказы Юрия Петровича были эмоциональны и захватывали кружковцев. Затем он предлагал сделать первоначально небольшие наброски каких – либо сцен из жизни людей того времени. Робкие ученические эскизы у него всегда вызывали одобрение. Он помогал развивать задумки таким образом, чтобы кружковцы не сомневались в своих способностях. Когда этим занятиям он отводил не менее двадцати часов, дети в итоге создавали настоящие произведения искусств. Фролов из опыта своей кружковой работы прекрасно понимал, что детское творчество не менее интересно и значимо, чем творчество взрослых мастеров.

На участке от ул. Белинского до ул. Труда от крепостной стены осталось только снование из валунов. Здесь нет деревьев и Фролову справа открывается прекрасный вид на церковь Нерукотворного образа. Она имеет и другое название Образская с Жабьей лавицы. Сейчас ничего не напоминает о том, что здесь пятьсот лет назад было много болот, что сохранилось в названии церкви растерявшей из-за многочисленных перестроек псковский характер и особенности стиля.

Пройдя этот открытый и свободный от дикорастущих деревьев участок, Фролов вновь вступил под сень густых крон. Слева, за захламлившим отбросами ручьём, он всегда с душевной болью всматривался в ветхие строения обшитых досками пары двухэтажных старых домов. Их давно бы следовало снести, однако... Ещё пятнадцать лет назад, прогуливаясь с семьёй погожим летним вечером по тропинке возле этих домов, Фролов стал свидетелем интеллигентного разговора двух дам. Одна из них находилась, наполовину выглядывая из раскрытого окна, у себя дома, другая стояла на улице, буквально рядом. Проходя мимо них, Юрий Петрович машинально заглянул внутрь просторной комнаты и поразился стеллажам с книгами от потолка до пола. Речь этих беседующих дам соответствовала стилю речей учителей полувековой давности. Вот и сейчас, проходя мимо, он обратил внимание на то, что на подоконнике стоят цветники с геранью за белыми тюлевыми занавесками и покрашены наличники. Вероятно, та милая дама продолжает жить здесь. О Боже ! Помоги выбраться из трущоб бедным людям.

После тенистой аллеи, грязного и захламливаемого высыхающего ручья и открытого солнцу места со старыми ухоженными домами, где жили уважающие себя люди, Фролов вышел на развилку улиц Герцена, Застенной и Гремячей. Здесь частный сектор был потеснён новыми домами средней высотности. Застрельщиком, проектировщиком, жителем

этого сравнительно недавно появившегося нового района стал архитектор Б.Д. Пославский. Однако в угоду невыразительному новоделу несколько одноэтажных домов дореволюционного провинциального города Пскова были необдуманно снесены. Когда Фролову приходилось бывать раньше в этом районе, он старался выйти на эту забытую окраинную улицу, чтобы насладиться духом старого Пскова. Проходя здесь, ему почему – то всегда приходила на ум фигура Антона Павловича Чехова. Его рассказы Юрий Петрович читал постоянно. Образ провинциального русского города жил в его душе и был неотделим от имени любимого писателя.

С места развилки за поворотом и чуть ниже открывается чудесный вид на стоящую на открытом пространстве крепостную Гремячую башню, торчащий за руинами стен золотящийся крест церкви Космы и Дамиана, ведущую под гору дорогу, являющуюся как бы продолжением старой улицы Герцена. Поскольку здесь постоянное автомобильное движение, дорога содержится в образцовом порядке -- заасфальтирована, хотя рядом с исторической крепостной башней по идее должна быть сохранена грунтовая дорога. Обычно пешеходы, идя этим путём, замедляют шаг, чтобы насладиться открывающейся панорамой. Куда бы ты не направлял взор, в объектив твоего зрения будет всегда попадать, как основная доминанта композиционного пейзажа, знаменитая Гремячая башня.

-- Вот бы оставить здесь всё как есть, -- подумал Фролов, -- ничего не изменяя в местном ландшафте, иначе окончательно исчезнет очарование этого места. Он с нескрываемым неудовольствием окидывал взглядом появившиеся за последнее время дворцы новуришей рядом с Гремячкой. Полноводный после весенних дождей Колокольный ручей с шумом выбрасывал мутные воды в Пскову. Сюда же устремлялись, огибая живописную Мишарину Гору, потоки речушки Милицы, хорошо известной местным жителям за буйный нрав в мартовские дни таяния снегов. Когда Фролов спустился на мост и шум воды для него затих, он услышал еле различимые доносившиеся из тополиных зарослей слева от дороги соловьиные трели. Он ускорил шаг. Открылся великолепный вид на пойму Милицы с возделанными небольшими островками огородов местного хозяйства. Справа на освещённой Мишариной Горе среди раскидистых клёнов, старых тополей и лип виднелись колокольня и охристые омытые дождями стены древней церкви Иоанна Богослова. Здесь всегда стояла та тишина и благодать, что необходима местным любителям заповедных мест Псковской старины и художникам, облюбовавшим почти заброшенный живописный старый погост.

+

+

+

Для себя Юрий Петрович открыл этот удивительный уголок ещё сорок два года назад совсем не случайно. Он прочитал первое издание книги Семёна Степановича Гейченко «У Лукоморья», где автор пишет о купцах из Опочки Лапиных, знавших Пушкина как соседа во время его Михайловской ссылки. Они к тому же были страстными поклонниками его поэтического гения. Уже после гибели поэта купцы перебрались в Псков и открыли здесь своё «дело». Поселились купцы на противоположном Мишариной Горе левом берегу Псковы. В нескольких метрах от Церкви Иоанна Богослова нашёл упокоение в фамильном склепе один из первых в купеческом роду Лапиных.....

Всё, что связано с именем Пушкина, находило у Фролова живейший отклик. По прочтении книги он тогда целенаправленно шёл на Богословское кладбище, чтобы поклониться праху псковских купцов Лапиных. Поразило сходство в общих чертах надгробия с тем, Пушкинским, у стен Святогорского монастыря в Пушкинских Горах. Но надгробию Лапиных не хватало изящества художественной отделки. В склепе сбоку зияло крупное отверстие. Грабители побывали и здесь в поисках «несметных» купеческих богатств. Юрий Петрович не ограничился посещением родового склепа купцов Лапиных. Он внимательно осмотрел погост, обойдя со всех сторон когда – то действующий храм, заглянул во – внутрь -- какая – то большая птица почти коснулась крыльями плеча и молниеносно исчезла, обдав словно ветром лицо.

Разруха и запустение, битый кирпич и обвалившаяся штукатурка -- такую картину можно было наблюдать в послевоенное время во многих некогда действующих храмах России. Воинствующий атеизм распространился по всей России. Кто знает, как долго продлилось бы такая политика старого коммунистического руководства по отношению к Церкви. Спустя 74 года власть в стране взяли демократически настроенные политики. Отношение к Церкви изменилось кардинальным образом. Начиная с 1991 года постепенно полуразвалившиеся храмы стали возвращаться Церкви и проводиться реставрация в первую очередь древних святынь. Многие некогда заброшенные средневековые храмы в историческом центре Пскова получали второе рождение и народную любовь. Дошла очередь и до городских окраин, где в средние века псковские мастера возвели несколько церквей изящных по своим пропорциям. Храм Иоанна Богослова на Мишариной Горе был одним из них.

+

+

+

Фролов как – то особенно резко почувствовал терпкий запах цветущей черёмухи, любуясь декором апсид. Оглядевшись, он заметил свисающие перед ним белые гроздья. Чёрный ствол дерева прятался за роскошно цветущей кроной. Вспоминались слова знаменитого романа «Белой акации гроздья душистые» и тридцатилетней давности прогулки с подругой мягкими февральскими вечерами здесь же. Когда это было. Помнится, как падал мягкий пушистый снег, а в соседнем микрорайоне вероятно играли свадьбу и нестройными полупьяными голосами молодые женщины пели «Не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд...». Песня то смолкала, то раздавался дружный смех подгулявшей компании, то пьяный басистый голос постоянно повторявший «горько» на протяжении получаса. Подруге Юрия Петровича было тоже весело по причине падающего крупными хлопьями пушистого мягкого снега и доносившихся звуков из микрорайона. Она ловила губами снежинки, смеялась, когда до её слуха долетали звуки свадьбы и сладкое слово «горько». Как это было давно.

Когда он вёл в Доме Пионеров кружок рисования, в солнечные весенние дни сюда приводил всю группу учеников писать акварельными красками молодую зелень, спрятавшийся за деревьями заброшенный древний храм, тёмные старые ели. Начало мая он любил за сквозную прозрачность городского пейзажа, когда можно было наблюдать воздушную перспективу уходящих к горизонту далей. Пройдёт две недели и зелень крон многочисленных деревьев станет яркой, ядовитой, скроет дальний план и исчезнет для художника привлекательность пейзажа.

+ + +

Рядом с храмом лежали на поперечных лагах заготовленные для работ длинные доски, брусы, брёвна, стояла бетономешалка. Чуть ближе к крыльцу были свалены две большие кучи известняковой плиты. Следы самосвала уводили к воротам у кладбищенской ограды. Их разрушили перед тем, как к храму доставить стройматериал. Построенные ещё сто с лишним лет назад, ворота были узкими для проезда современной автомашины. Они могли бы стоять ещё долго и удивлять народ кладкой и красивой отделкой. Малинового цвета кирпич настолько был прочен, что даже не откололся ни один уголок, когда четыре кирпичных столбика тягач с помощью троса оттаскивал в сторону. Другого подъезда к храму не было. Обычно Фролов приходил сюда со стороны микрорайона, переходя Милицу по мосткам. Этот путь был короче и привлекателен живописными зарослями ольхи. Сегодня,

идя на соловьиные трели в кленовых чашах, он и не заметил, как от Гремячки вышел на мостки.

Фролов осмотрел в глубокой задумчивости всё, что осталось от красивых когда-то ворот и направился к точке, откуда намеревался сделать несколько композиционных набросков. Его сегодня устраивало освещение и солнечная погода. Розовые облака словно застыли на бирюзовом небе, обилие цветущей черёмухи делало зелень белесой. Яркую зелень он не любил. Работая карандашом, Юрий Петрович запоминал цветовой строй пейзажа, чтобы дома по памяти сделать этюд. Не откладывая дело на потом, с подмалёвком на новом холсте вновь прийти сюда и прописать холст, изучая по мере возможности конструкцию пород различных деревьев. Он любил не только конструктивно мыслить в архитектурных проектах, но так же и рисовать с натуры, выполнять композиционные краткосрочные наброски. С уходом на пенсию, занимаясь живописью, он по привычке на холстах больше рисовал, чем писал. Завидовал ли Фролов живописцам, лихо работающих мастихином и порой пренебрегающих рисунком? Нет, не завидовал. Каждый мыслит по-своему и отстаивает свои устоявшиеся в процессе творческих исканий мнения, взгляды, пристрастия.

Этой работе, как и многим другим, Юрий Петрович пока не придумал названия. Бывшее хобби с уходом на пенсию полностью завладело им и определило на многие годы вперёд смысл существования.

Дома он, не откладывая дело на потом, попробовал работать акварелью на половине ватманского листа. Предварительно слегка набросал храм, тёмные стволы деревьев и ввёл на переднем плане для цветового контраста к молодой зелени старые малиновые ворота. Фролов в технике аля – прима по воспоминаниям своего сердца два, а может три часа кряду вымучивал эту работу. Желаемого результата он не достиг и чтобы не предаваться по этому поводу унынию, стал натягивать на подрамник холст, подготавливаясь для работы с натуры масляными красками. Пока он писал старое Застенье, Гремячку и руины крепостной стены, долго всматривался и этим постигал не бросающую красоту церкви Косьмы и Дамиана с Гремячей горы.

Возвратился он к прежней работе только в Троицын день и когда шёл, поражался праздничным видом людей, спешащих на Богословское кладбище на Мишарину гору. Не доходя Милицы и не спускаясь с пригорка, Фролов остановился, поражённый боковым солнечным светом и видом храма среди сквозящей зелени деревьев второго плана. Ольха спереди и в тени контрастировала на освещённом

рыжеватом фоне горы. Очень хорошо читались планы, выявляя и подчёркивая пространство будущей картины. Всё решено, осталось только перенести на холст этот чудесный вид. Фролов ещё никогда не был увлечён работой настолько, чтобы обо всём забыть на быстро промелькнувшие короткие два часа. Получалось всё, даже название не надо было придумывать. Сам день дал работе название.....

(продолжение следует)

Александров А.А.